

Недавно был у меня разговор с одним молодым человеком. И этот симпатичный молодой человек весьма меня озадачил. В журнале «Дружба народов» (1988, № 3) он прочитал подборку материалов, связанных с трагической судьбой Михаила Михайловича Зощенко, и вот какое вынес он мнение из прочитанного:

А не кажется ли вам, — сказал он, — что выставлять Зощенко в таком свете не очень как бы этично? Ведь он, простите, оправдывается. И перед кем? Перед своими душителями. Впечатление, прямо надо сказать, жалкое. Может, не надо было все это печатать?

Вот так! А я-то, когда готовил публикацию, ни секунды не сомневался, что Зощенко выглядит в письмах к Сталину и в других документах как

близкого еще вчера его окружения, опасаясь для себя неприятностей, стали избегать с ним встреч. И все это шло под аккомпанемент безудержной радиогазетной травли.

Последнее было особо мучительным для такого ранимого человека, каким был Зощенко. Он старался не слушать радио, не читать газет. Но это не всегда удавалось. К официальной ругани в его и Ахматовой адрес вскоре был подключен ход подпевал из литературной братии, а затем, дабы до конца солидности годами отработанный ритуал, было предоставлено грозное слово «гласу народа»: наперебой пошли отчеты с собраний на ленинградских заводах «Электросила» и «Красный выборжец», имени Свердлова и «Кинап», «Пролетарий» и «Станколит», имени Орджони-

Неотправленное письмо

раз исключительно достойно. Тишайший среди людей, с виду робкий и беззащитный, он в черные для нашей литературы послевоенные годы, как никто из писателей, гордо и мужественно защищал свою честь. Да, его попытки что-то растолковать, объяснить, доказать тем, кто его шельмовал, могут, конечно, показаться кому-то наивными. Но честь их за желание оправдаться?.. Ни в коем случае! Наоборот. Это он, Зощенко, требует, чтобы перед ним оправдались, перед ним извинились за нанесенные оскорбления, за дискредитацию его имени и его работ.

Только так представлял я себе суть публикуемых материалов. И вдруг — такое вывернутое наизнанку мнение!

И я подумал: как же по-разному все мы устроены! Как отличаемся друг от друга в понимании одних и тех же явлений и фактов недавнего прошлого. И как тщательно нужно взвешивать каждое слово, чтобы предлагаемое тобой для печати имело минимальные шансы для разночтения.

И я еще раз пожалел, что в последний момент извлек из уже приготовленной для «Дружба народов» публикации письмо к Жданову. Вот уж где Зощенко не дает ни малейшей возможности прочитать его текст не так, как он его написал.. Написать-то он его написал, но... не отправил. Это меня и остановило тогда.

И вот сегодня хочу исправить эту мою оплошность. Но прежде необходимо сказать несколько слов о той обстановке, в которой Зощенко сел за письмо. Оно писалось в конце октября 1946 года, через два месяца после письма Сталину. За это время произошло много событий, поставивших Зощенко на грань катастрофы. Он был исключен из Союза писателей. Издательства, журналы и театры, с которыми были заключены договоры, порвали с ним отношения, потребовав вернуть выплаченные авансы. Продуктовая рабочая карточка (как выбывшему из СП, теперь ему не полагалась. Все попытки заработать на жизнь как литературным, так и нелитературным трудом терпели неудачу. Многие из

кидзе и на других предприятиях города.

Михаил Михайлович, конечно же, понимал, что «всеобщий гнев» и «отражение» ленинградских рабочих к «подонку Зощенко» и его «клеветнической литературе» организованы. Но это было слабым утешением. Как и то, что среди «возмущенных» его «омерзительной деятельностью» коллективов, которые перечисляли газеты, нет скороходовцев, его старых друзей. Еще до войны он не раз приезжал к ним на фабрику. Помогал делать многопаражку. В его альбоме хранилась карточка, где он заснят с рабочими, а на обороте — строчки:

*Чтоб наша дружба и работа
Были крепки и хороши,
На память дарим эти фото
С любовью это всей души.*

Было бы горько, если бы и «Скорыход» подключили к общему вою...

Да, мало того, что его травят сверху. На него хотят натравить массы, рассорить с теми, для кого и ради кого он жил и писал.

Весь смысл письма Зощенко к Жданову, в конечном итоге, сводится именно к этому: к резкому возражению, что его отлучают от читательских масс. «Секретарю ЦК ВКП(б) т. А. А. Жданову.

Более 25 лет я писал юмористические рассказы, считая, что этим приношу пользу и радость советскому читателю.

У нас не было критики, которая бы правильно ориентировала писателя, и поэтому мое мнение о пользе моей работы я подтверждал следующим доказательством:

1. А. М. Горький писал мне (13 окт. 30 г.): «Юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня, — да и для множества грамотных людей — бесспорно, так же, как беспорна и его «социальная педагогика».

2. У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя, не только социально полезна, но и приносит радость.

3. В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Союз

писателей, представляя меня к награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателя.

4. Множество сатирических журналов (до 12, в которых я работал, и массовые тиражи моих книг говорили мне о том, что сатирический жанр нужен и поощряется.

Все это утверждало мое представление о полезности моей работы. Да я и сам полагал, что, работая в своем жанре, я помогаю вскрывать недостатки, помогаю бороться с пережитками прошлого.

Мне очень трудно сейчас определить, в чем же именно заключаются мои ошибки. Но я допускаю, что сатирический жанр уведил меня иной раз к шаржу. Хотя мне всегда казалось, что такой прием законен и он в традиции литературы (Щедрин, Гоголь, Свифт). Тем более, что я писал об отрицательных явлениях. И некоторый шарж был необходим для того, чтобы вызвать у читателя смех, улыбку, для того, чтобы ярче подчеркнуть написанное.

И, пользуясь таким приемом, я никаких злых намерений не имел. Да и злоба никогда не питала мою литературу.

Напротив, мне всегда казалось, что полезней и радостней изображать положительные стороны жизни и светлые черты характеров. И к такой положительной теме я постоянно стремился. Хотя осуществить такой переход было крайне нелегко, так же нелегко, как комическому актеру перейти на героические роли. Тем не менее с 30-х годов я стал пробовать свои силы в иных жанрах. И мне удалось написать ряд повестей и рассказов на положительную тему.

Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни. Но у меня есть некоторые силы, чтобы работать.

Я прошу Вас и Центральный Комитет позволить мне представить на рассмотрение мои работы, начатые недавно. В течение года я бы мог закончить две большие работы.

При этом я, конечно, не прошу каких-либо льгот или снисхождений в моем трудном и сложном положении.

Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя. И не для этого я буду работать. Я не могу и не хочу быть в лагере реакции.

Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа. Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни брали..

Подписи нет. Дата отсутствует. Но будем помнить: это черновой вариант, белового не было. Зощенко находился в отчаянном положении — только этим можно объяснить сам факт, что в какую-то, видимо, кризисную минуту он сел писать Жданову. Но, как говорится, слава богу, что не поспешил — не поставил последнюю точку. Не опустил письмо в ящик.

Кризисная минута прошла. Презрев обрушившееся на него несчастье и будущую незавидную судьбу, Зощенко почитал ниже своего достоинства обращаться к человеку, который сыграл заглавную роль в организованной Сталиным вакханалии, втянувшей в свою воронку не только его и Ахматову, но и всю нашу долготерпеливую литературу.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ